

Наумов Д. С.

студент

Научный руководитель:

Кулешов Ю.Н., к.ю.н

*Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»*

ПОНЯТИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ДОКТРИНЕ

Аннотация: в настоящей статье рассматривается понятие множественности преступлений как сложного института уголовного права. Анализируются доктринальные подходы к определению данного понятия в отечественной науке, исследуется историческое развитие представлений о множественности в российском праве. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу понимания множественности преступлений в зарубежной доктрине и практике международных уголовных трибуналов. Выявляются общие закономерности и различия в подходах к квалификации множественности преступных деяний, а также проблемы отграничения множественности от единичных сложных преступлений.

Ключевые слова: множественность преступлений, совокупность преступлений, рецидив, доктрина уголовного права, сравнительное правоведение, международное уголовное право.

Naumov D.S. Student

Scientific adviser: Kuleshov Yu.N., Candidate of Legal Sciences (Associate Professor) Kazan Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

**THE CONCEPT OF MULTIPLE OFFENCES IN DOMESTIC AND
FOREIGN DOCTRINE**

Annotation: this article examines the concept of multiple offences as a complex institution of criminal law. The author analyzes doctrinal approaches to the definition of this concept in domestic science, explores the historical development of ideas about multiplicity in Russian law. Special attention is paid to the comparative legal analysis of understanding of multiple offences in foreign doctrine and practice of international criminal tribunals. Common patterns and differences in approaches to the qualification of multiple criminal acts, as well as problems of distinguishing multiplicity from single complex crimes are revealed.

Keywords: multiple offences, totality of crimes, recidivism, criminal law doctrine, comparative law, international criminal law.

Введение

Институт множественности преступлений занимает особое место в системе уголовного права, поскольку позволяет дифференцировать ответственность лиц, совершивших более одного преступного деяния. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена не только значительной распространенностью случаев совершения лицом нескольких преступлений, но и сложностью теоретического осмысления этого феномена. Как отмечается в доктрине, «ни уголовное законодательство, ни ученые в результате дискуссии до сих пор не выработали обоснованной позиции, касающейся как определения понятия "множественность преступлений", так и признаков и норм данного института уголовного права» [1].

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе понятия множественности преступлений в отечественной и зарубежной доктрине, выявлении общих подходов и различий в понимании данного института, а также определении тенденций развития научной мысли по этой проблеме.

Методы исследования

Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический. Историко-правовой метод позволил проследить эволюцию представлений о множественности преступлений в отечественном праве. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления подходов российской и зарубежной доктрины, а также практики международных уголовных трибуналов. Формально-логический метод применялся при анализе понятийного аппарата и выявлении признаков множественности преступлений.

Исторический анализ развития института множественности преступлений в отечественном праве

Истоки представлений о множественности преступлений в российском праве восходят к древнейшим законодательным памятникам. Как указывает А.Ю. Зотов, «вопрос первого упоминания о множественности преступлений в древнерусских источниках права является спорным» [2]. Исследователи отмечают, что Русская Правда как первый писанный источник древнерусского уголовного законодательства не содержала указаний на повторность совершения преступлений. Однако уже в памятниках XIV века, включая Псковскую Судную грамоту и Двинскую Уставную грамоту, появляются нормы, описывающие рецидив преступлений.

Особый интерес представляет статья 8 Псковской Судной грамоты, которая предусматривала возможность казни за совершение краж на службе только при их многократности. В документе указывалось: «За одну или две кражи не лишать жизни, подвергнуть телесному наказанию по вине. Уличенного в третий раз казнить» [2]. В Двинской Уставной грамоте впервые нормативно закреплялась возможность ужесточения уголовной

ответственности за повторность преступлений, причем наиболее строгие наказания назначались лицам, совершившим преступление в третий раз.

В дореволюционный период развития отечественного уголовного права проблема множественности преступлений рассматривалась преимущественно в контексте борьбы с профессиональной преступностью. Как отмечают К. Зарубина и С. Чапчиков, «понятия повторности и неоднократности как формы множественности преступлений в российском уголовном законе закрепляются в связи с организацией борьбы с зарождающейся профессиональной преступностью» [3]. При этом закрепление различных форм множественности относилось главным образом к преступлениям корыстной или корыстно-насильственной направленности, что указывает на целенаправленную борьбу законодателя с преступным промыслом.

Современные доктринальные подходы к определению множественности преступлений в России

В современной отечественной науке уголовного права отсутствует единообразное понимание множественности преступлений, что во многом обусловлено отсутствием легального определения данного понятия. Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит дефиниции множественности, закрепляя лишь ее формы — совокупность преступлений (ст. 17) и рецидив преступлений (ст. 18).

А.И. Терещенко подчеркивает: «Несмотря на проявляемое в доктрине внимание ко множественности преступлений, понятие данной категории все еще весьма дискуссионно, чему во многом способствует отсутствие ее определения на законодательном уровне. Не было легального определения данной дефиниции и в предыдущих уголовных законах нашей страны» [4].

Анализ доктринальных источников позволяет выделить несколько подходов к определению множественности преступлений. М.В. Егоров

предлагает понимать под множественностью преступлений «совершенные одним лицом несколько преступных деяний (оконченных или не оконченных, совершенных единолично или в соучастии), сочетание которых предусмотрено уголовным законом в качестве основания для назначения более строгого или совокупного наказания, при условии, что хотя бы два преступления сохраняют свои уголовно-правовые последствия» [5].

В более лаконичной форме множественность определяется как «совершение одним лицом двух или более преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, в качестве самостоятельного состава преступлений, и каждое из которых сохраняет своё уголовно-правовое значение» [1].

Критическому анализу существующих определений множественности посвящено исследование А.А. Илиджева, в котором отмечается, что «нередко ученые-криминалисты выделяют признаки, присущие институту множественности преступлений в целом, но при этом включают в определение не все существенные признаки, а лишь некоторые, что не в полной мере отражает сущность правового явления» [6]. В частности, подвергается критике определение, ограничивающее множественность только оконченными преступлениями, поскольку приготовление и покушение также являются преступными деяниями и могут образовывать множественность.

Особую дискуссию вызывает вопрос о включении в определение множественности указания на отсутствие процессуальных препятствий для уголовного преследования. Некоторые авторы, например Т.Г. Черненко, считают такое указание излишним, поскольку это не уголовно-правовой признак [7]. Однако, как справедливо отмечается в литературе, «две отрасли права взаимосвязаны и нередко отдельные нормы этих отраслей проникают друг в друга» [4].

Важной проблемой доктринального осмысления множественности остается отграничение этого института от единичных сложных преступлений. А.Ю. Зотов указывает на «разногласия в юридической литературе по вопросу отграничения множественности преступлений от единичных сложных преступлений» [2]. Эта проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от правильной квалификации зависит объем ответственности лица.

Формы множественности преступлений в российском уголовном праве

Вопрос о формах множественности преступлений является одним из наиболее дискуссионных в науке уголовного права. Как отмечает А.И. Терещенко, «устанавливается факт отсутствия отрицания в доктрине лишь двух форм множественности: совокупности и рецидива, то есть тех форм, что нашли закрепление в Общей части УК РФ. Констатируется, что выделение всех иных форм множественности преступлений весьма дискуссионно» [4].

В российском уголовном законодательстве закреплены две формы множественности — совокупность преступлений (ст. 17 УК РФ) и рецидив преступлений (ст. 18 УК РФ). При этом законодатель выделяет два вида совокупности: реальную (совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено) и идеальную (одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ).

В доктрине подробно исследуются проблемы квалификации идеальной совокупности и ее отграничения от конкуренции уголовно-правовых норм. М.В. Егоров подчеркивает: «В практической деятельности должностные лица следственных органов и судьи сталкиваются с проблемой квалификации при идеальной совокупности преступлений и её

отличие от случаев единичного преступления, что свидетельствует о сложности данного явления правовой действительности» [5].

Усилению дискуссий о формах множественности способствует и сам законодатель, который, по замечанию А.И. Терещенко, «стал чаще использовать в УК РФ, его Особенной части, такие признаки, как неоднократность, систематичность, судимость; закреплять составы, не имеющие признака неоднократности, но предполагающие административную преюдицию» [4]. Это привело к тому, что в доктрине предлагается рассматривать в качестве форм множественности также повторность, систематичность, совершение преступлений в виде промысла.

Зарубежный и международный опыт квалификации множественности преступлений

Исследование зарубежных подходов к пониманию множественности преступлений представляет значительный интерес для развития отечественной доктрины. В зарубежном уголовном праве сложились различные концепции множественности, обусловленные особенностями национальных правовых систем и доктринальных традиций.

Г.В. Верина, исследуя проблему множественности в глобальном измерении, отмечает: «Наблюдается тенденция переоценки российским законодателем явления множественности потерпевших от преступления, однако в научных исследованиях практически отсутствует интегрированный подход к комплексному познанию множественности преступлений, множественности участников преступления и множественности потерпевших от преступления — различных проявлений феномена множественности» [8]. Автор обосновывает необходимость рассмотрения множественности в широком контексте, включающем различные аспекты преступной деятельности.

В зарубежной доктрине значительное внимание уделяется проблеме разграничения единого преступления и множественности преступных деяний. В континентальной системе права разработаны принципы квалификации при конкуренции уголовно-правовых норм, которые позволяют отграничивать случаи множественности от единичных сложных преступлений.

Особый интерес для понимания множественности преступлений представляет практика международных уголовных трибуналов, которые сталкиваются с необходимостью квалификации сложных преступных деяний, подпадающих под признаки нескольких составов преступлений.

Н. Михайлов, анализируя решения Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), отмечает, что «с проблемами множественности преступлений и привлечения к ответственности по совокупности преступлений Судьи Международного трибунала по бывшей Югославии сталкиваются довольно часто. Это обусловлено тем, что им приходится рассматривать ходатайства защитников обвиняемых, в которых оспаривается правомерность вменения их подзащитным в вину нескольких преступлений по совокупности за совершение одного и того же деяния» [9].

В приговоре по делу Зорана Купрешкича и других от 14 января 2000 года Судебная камера МТБЮ подвергла детальному анализу критерии разграничения единого преступления от множественности преступлений. Были рассмотрены принципы специфичности, дополнительности, поглощения и альтернативности (*specialty, subsidiarity, consumption and alternativity*), которые применяются для решения проблемы квалификации [10].

Принцип специфичности предполагает, что при наличии в деянии дополнительных элементов, образующих специальный состав преступления, вменению подлежит именно специальное преступление, а

не совокупность общего и специального составов. Принцип дополнительности применяется в случаях, когда одна норма предусматривает более серьезное преступление, поглощающее менее тяжкое.

Значительный интерес представляют критерии правомерности вменения множественных преступлений за совершение одного и того же деяния, сформулированные в приговоре Международного трибунала по Руанде по делу Акайесу от 2 сентября 1998 года. Согласно этому решению, «если одни и те же фактические обстоятельства деяния подпадают под признаки более чем одного состава преступления, предусмотренного статьями Устава, то каждое из этих преступлений может быть вменено обвиняемому самостоятельно, когда: (1) составы этих преступлений содержат отличные друг от друга элементы, либо (2) объектами этих преступлений являются отличные друг от друга защищаемые законом интересы, или (3) необходимо показать, что обвиняемый признан виновным в совершении обоих преступлений для того, чтобы в полном объеме отразить все, что он совершил» [11].

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного подходов к пониманию множественности преступлений позволяет выявить как общие закономерности, так и существенные различия.

В постсоветских государствах, включая Республику Беларусь, наблюдается сходство с российским подходом к регулированию института множественности. О.Ф. Воспякова, анализируя новации в уголовном законодательстве Республики Беларусь, проводит сравнительный анализ с формами множественности, предусмотренными в российском законодательстве, отмечая как общие черты, так и особенности национальных подходов [12].

Общим для различных правовых систем является признание повышенной общественной опасности множественности преступлений и

необходимость дифференциации ответственности в зависимости от количества и характера совершенных деяний. Однако различаются подходы к формализации признаков множественности, критериям отграничения от единичных преступлений, а также правилам назначения наказания.

В международном уголовном праве выработаны специальные принципы квалификации, учитывающие специфику преступлений против человечности и военных преступлений, которые часто представляют собой сложные деяния, подпадающие под признаки нескольких составов. Как отмечает Г.В. Верина, «комплексный учет множественности преступлений, множественности участников преступления и множественности потерпевших от преступления создаст платформу для наиболее правильной и полной оценки уровня общественной опасности преступлений» [8].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, понятие множественности преступлений является сложной и дискуссионной категорией уголовно-правовой доктрины. В отечественной науке отсутствует единообразное понимание данного института, что обусловлено как отсутствием легального определения, так и сложностью самого феномена множественности.

Во-вторых, историческое развитие учения о множественности в российском праве демонстрирует постепенное формирование этого института в связи с необходимостью борьбы с профессиональной преступностью. Уже в древнейших законодательных памятниках прослеживается стремление усилить ответственность за повторное и многократное совершение преступлений.

В-третьих, сравнительно-правовой анализ показывает, что в зарубежной доктрине и практике международных уголовных трибуналов

разработаны критерии разграничения множественности преступлений и единичных сложных деяний, которые могут быть полезны для совершенствования отечественного уголовного права.

В-четвертых, представляется обоснованным предложение о выделении норм о множественности преступлений в отдельную главу Уголовного кодекса РФ с закреплением в ней легального определения множественности [6]. Это способствовало бы единообразию правоприменительной практики и преодолению доктринальных разногласий.

Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на комплексное изучение различных проявлений множественности в уголовном праве с учетом зарубежного опыта и практики международных судебных органов.

Использованные источники:

1. Терещенко А.И. К вопросу о понятии множественности преступлений и ее формах в уголовном праве России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3 (61). С. 86-92.
2. Зотов А.Ю. Институт множественности преступлений в уголовно-правовой доктрине // Научный портал МВД России. 2022. № 4 (60). С. 73-80.
3. Зарубина К., Чапчиков С. К вопросу о понятии множественности преступлений в истории российского уголовного законодательства // История государства и права. 2019. № 5. С. 42-47.
4. Терещенко А.И. Формы множественности преступлений в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 210 с.
5. Егоров М.В. Множественность преступлений: теория и практика. Идеальная совокупность преступлений и её отличие от учтённой совокупности и конкуренции уголовно-правовых норм // Молодой ученый. 2025. № 45 (596). С. 158-161.

6. Илиджев А.А. Множественность преступлений и ее отражение в Особенной части уголовного законодательства Российской Федерации: монография. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2023. 170 с.
7. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву: дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2001. 345 с.
8. Верина Г.В. Множественность преступлений в глобальном измерении // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 3. С. 412-422.
9. Михайлов Н. Уголовно-правовые аспекты множественности преступлений в решениях МТБЮ // Обозреватель-Observer. 2005. № 5. С. 84-91.
10. Приговор Международного трибунала по бывшей Югославии от 14 января 2000 года по делу Зорана Купрешкича и других (IT-95-16-T) // Документы ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icty.org> (дата обращения: 25.02.2026).
11. Приговор Международного трибунала по Руанде от 2 сентября 1998 года по делу Акайесу (ICTR-96-4-T) // Документы ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://unictr.irmct.org> (дата обращения: 25.02.2026).
12. Воспякова О.Ф. Институт множественности преступлений в уголовном праве Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Право.by. 2024. № 2. С. 78-85.